

«ЯБЛОЧНЫЙ РУНГЕТ...»

Куклоура. — 1994. — 29 окт. — с. 5.

В новом сезоне Театр сатиры отмечает свой 70-летний юбилей. 44 года на его сцене играет народная артистка России О. Аросева.

— Что вспоминается в эти дни? — спросила у Ольги Александровны наш корреспондент Татьяна Петренко.

— Конечно, прежде всего вспоминаю друзей — артистов, с которыми прошла в театре вся моя жизнь. Это было военное поколение, много повидавшее, но романтически настроенное по отношению к своей профессии... Борис Рунге, Анатолий Палапов, Владимир Козел, Родион Александров, Юрий Соколов, Виктор Байков. Женщины «нашего призыва» оказались крепче, а мужчины все ушли.

Зарплата тогда была «очень сильно маленькая». Почти все селились в общежитиях, но домом считали театр, в нем, можно сказать, и жили. Были заняты в спектакле, нет ли — все равно приходили сюда. Праздники отмечали, Новый год встречали. До сих пор помню меню из фамилий: яблочный Рунгет, Аросенок с хреном, Паладушки с медом, шипучие Соковыны, Козлик в маринаде. Наша нищая, но веселая молодость наложила свой отпечаток на характеры, даже на судьбы этих людей. Не фликали они ангелами. И выпили, и спорили, но было в них что-то такое порядочное и надежное... Сейчас говорят: «Мужик обмелчал», про них такого никто бы не мог сказать.

Конечно, больше всего вспоминаемый у меня связан с Борисом Васильевичем Рунге, с которым мы учились в театральном, выступали на одной сцене, а потом много лет играли в телевизионном кабачке «13 стульев». Его «пан профессор» соответствовал доброй натуре Бориса: он был по-детски наивен до конца своих дней. (Вряд ли он смог бы понять некоторые вещи, происходящие с нами сегодня и в жизни, и в театре).

Он воевал, причем в армию попал «сильно известным артистом», сыграв в 13 лет, в 37-м году, Петю Бачея в картине «Беллет парус одинокий». Фильмов тогда выходило мало, в

нем были влюблены все девочки, в том числе и я. Находясь на фронте, он участвовал в самодеятельности, пел, танцевал, играл скетчи, что, несомненно, прибавило ему популярности — куда бы мы ни попадали впоследствии на гастроли с концертами, всегда за кулисы приходил какой-нибудь однополчанин. Похоже, его знала вся армия.

В театре он вначале играл подростков и играл их долго. Китайского мальчика в спектакле «Пролитая чаша», Велосипедкина в «Бане». Он был невысокого роста, худенький, хорошенький. А потом незаметно для всех стал сесть, полнеть и превратился в солидного мужчину. Помню, как-то на гастролях я окликнула: «Борька!», а проходившая мимо администраторша сказала: «Ничего себе, дедушка почтенный, седой, а вы его так называете».

Он был очень скромный человек, не умел постоять за себя. Его профессор из кабачка «13 стульев» носил бороду и усы, и без них Рунге никто не узнавал. Я ему даже как-то в шутку посоветовала, чтобы он ходил в гриме, почувствовал бы свою популярность, — но где там! «Мне неловко», — ему все было неловко. Если уж очень нужно было что-то достать в магазине, он просил меня: «Пойди, пожалуйста, тебе дадут».

Анатолий Палапов был, безусловно, лидером нашего театрального поколения да и вообще театра, в котором он прошел путь от массовки до настоящего мастера. Своей популярностью он стеснялся, надевал черные очки, чтобы не узнали. Был случай, когда он возвращался со съемки домой в электричке. Волосы покрашены в белый цвет, на носу черные очки. Напротив оказался милиционер. Толя стал ему подобострастно улыбаться, чем навлек еще большие подозрения. Кончилось все тем, что ему предложили пройти в отделение. А однажды он подвозил меня в бассейне «Москва» и нарушил правила. Мы пошли объясняться с милиционером, тот расплылся в улыбку: «Пани Моника, к

вам никаких претензий, а вот вашего шофера я накажу».

Он в жизни мало был похож на артиста. Не любил шикарно одеваться, не любил говорить о себе. Он больше наблюдал за другими, внимательно слушал. О его работах написано много, да и играл он много, но я уверена, что ему по плечу были любые роли, и он, к сожалению, их не успел сыграть.

Мало кто знал, что он вернулся из армии тяжело раненным, с ампутированной частью ступни. С палкой он ходил на уроки танца в клуб «Каучук». Роли у него были все подвижные. В спектакле «Где эта улица, где этот дом» он вообще только плесал, не говоря ни слова. А в «Клопе»? Надо было видеть, как он двигался в танце. Зритель ни о чем не догадывался — ни о боли, ни об усталости.

Владимир Козел — милейший, деликатный человек. Он был настолько импозантным мужчиной, что никому в голову не пришло бы предложить ему роль чернорабочего. В нашем «Кабачке» он был хозяином, паном Беспальчиком. Когда картина «Адъютант его превосходительства», в которой он сыграл подполковника Щукина, вышла на экраны, Володя стал необычайно популярным. Как-то для зарубежной поездки артистам нужно было получить справку из психлечебницы (о том, что ты там не состоишь на учете). Владимир Георгиевич пришел, поклонился к окошечку регистратуры и своим роскошным, бархатным голосом произнес: «Здравствуйте, я — подполковник контрразведки Щукина», а в ответ услышал: «Проходите, пожалуйста, у нас тут как раз Николай II на отдыхе». К счастью, очередь узнала его раньше, чем медсестра, и закричала, что он артист, «его превосходительства».

Под стать ему был Родион Александров — высокий, очень элегантный. Вот кому бы стать кинозвездой! Но в фильмах из колхозной жизни ему тоже нечего было делать, вот и его в кино не особенно приглашали. Аристократизм был во всей его фигуре. Как на нем фрак си-

дел! И играл, как сказали бы в старину, французских героев: Тень в одноименном спектакле, Редья в «Доме, где разбиваются сердца».

Он был страстным охотником. Как-то в Ленинграде на гастролях Родя... не пришел на спектакль! Появился лишь на следующий день, мы бросились к нему: как? что? А он — так мечтательно: «Вы не понимаете, сейчас же тетерева токуют». Когда Плучек поинтересовался, что все-таки артист говорит в свое оправдание, ему так в точности и передали: тетерева, мол, токуют. Ждали грозы, но Валентин Николаевич рассмеялся: «Это нужно простить, не каждый имеет такую благородную страсть».

Юрий Соколов — веселый человек, окончив опереточный курс при ГИТИСе. Если в спектакле нужно было петь, танцевать, он был незаменимым. С удовольствием пел частушки, веселые куплеты, которых знал огромное множество. Он играл в театре Шуру Балаганова в спектакле «12 стульев», а в «Кабачке» — глуповатого таксиста. У него не было больших, главных ролей, но все его маленькие роли, как блестящие, являлись украшением спектакля.

Виктор Байков, создавший много остросатирических образов в театре, невозмутимый пан Вотруба в нашем «Кабачке». Виртуозный преферансист, обыграть его было невозможно, но и проигрывать было — одно удовольствие. К концу жизни он тяжело болел, ему ампутировали ногу, но он до конца своих дней оставался в театре. Специально для него придумывали мизансцены. А в репетиционный зал артисты носили его на руках, на четвертый этаж, по маленькой лестнице.

Я думаю, что все те, которых уже нет, счастливы были бы стоять в день 70-летия театра на сцене вместе с нами. Каждый из них был личностью, обладающей удивительными человеческими достоинствами. Я благодарна судьбе за то, что она свела меня с этими людьми. В сегодняшней сумасшедшей жизни мне так их не хватает!